

В английском же слово *chin* не производно, имеет переносные значения ('болтовня, треп'; 'дерзости') и соответствующие глагольные конверсивы и входит в ряд фразеологических единиц (кроме вышеназванных – *up to the chin* 'по горло, по уши', букв. 'по подбородок'; *to hold up by the chin* 'поддерживать, оказывать помощь', букв. 'взять за подбородок', *chins are wagging* 'идут толки, сплетни' и др.).

Однако есть в параллельном корпусе пример, подтверждающий идентичность описания жеста с «бородой кверху» и «носом кверху»:

(27) *Ох, хотел Бенедикт податься в истопники. <...> сам мечтал, как пройдет посереде улицы, – весь из себя чванный такой, борода кверху, огневой горшок за собой на веревке тащит, – только искры из дырок сыплются* [Татьяна Толстая. Кись (2000) / Tatyana Tolstaya. The Slynx (Jamey Gambrell, 2007)] – *Yes, Benedikt really wanted to try for the Stokers. <...> he himself dreamed of swaggering down the middle of the street, his nose in the air, pulling a fire pot behind him on a string with sparks spilling from the holes.*

Возможно, этот обратный перевод, а также проведенное сопоставление позволяет представить соотношение по значимости: рус. *нос, борода* – англ. *подбородок, нос* в характерных описаниях внешности и жестов. Изменится ли оно для русского языка под влиянием английского, или сохранится каждому свое?

Список использованных источников

1. Григорьева, С. А., Григорьев, Н. В., Крейдлин, Г. Е. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – М. – Вена : ЯСК, WSA, 2001 – 254 с.
2. Большой толковый словарь современного русского языка / под ред. С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari>. – Дата доступа : 17.09.2022.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 15.09.2022.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка ; в 4 томах. (1903–1909). – М. : Прогресс – Универс, 1994.

Abstract. The article examines the Russian colloquial idiom *zadrat' / zadirat' nos* ('to turn up one's nose') in comparison with *zadrat' / vzdernit' podborodok* ('to lift one's chin'), the last becoming active in modern texts. Description of the original gesture in Russian emphasizes the nose, while the chin is more characteristic of a similar gesture in English. The comparison is based on the texts of the Russian National Corpus.

Keywords: gestures, phraseology, crosslinguistic correspondences.

УДК 811.163.1'374'42:398.91

С. Г. Шулежкова

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ПАРЕМИЙ В «БОЛЬШОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА»

Аннотация. Автор, придерживаясь широкого взгляда на объект фразеологии, ставит проблему фразеографического описания паремий общеславянского литературного языка Средневековья. Помимо грамматической, семантической, справочной, иллюстративной зон, статьи, возглавляемые паремиями, предлагается сопровождать жанровой характеристикой и отражением их исторических судеб.

Ключевые слова: старославянский язык, фразеологический словарь, устойчивый словесный комплекс, паремия.

Работа над старославянским фразеологическим словарем убедила нас в том, что для полноценного представления корпуса сверхсловных единиц одного из уникальных литературных языков средневековой Европы необходимо придерживаться, во-первых,

широкого взгляда на объект фразеологии, во-вторых, учитывать системные отношения внутри этого корпуса, в-третьих, устанавливать источники происхождения каждой из них. Кроме того, чрезвычайно важно включать в число описываемых единиц не только устойчивые словесные комплексы (УСК) всех известных семантико-грамматических классов (предметные, процессуальные, адвербиальные и пр.), но и те, что выполняют предикативные функции (обобщенно назовем их паремиями). После публикации в 1964 г. знаменитой работы В. Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке» [1], убедительно доказавшего языковой статус такого рода единиц, особых оснований сомневаться в принадлежности УСК предикативного типа к объектам фразеологии не приходится. К тому же, издание через два года другим известным фразеологом, В. П. Жуковым, не сборника, а «Словаря русских пословиц и поговорок» [2] положило начало активному фразеографическому описанию паремий разного рода сперва в нашей стране, а потом и за рубежом (см. об этом: [3, с. 257–259]). Однако до сих пор ни один из собственно старославянских словарей не включал паремии в число фиксируемых сверхсловных языковых единиц, несмотря на то, что непредикативные УСК, пусть далеко не системно и не в полном объеме, всё же попадают в словарные статьи, озаглавленные лексемами, входящими в УСК в качестве одного из их компонентов (см., например, [4, с. 125; 5, с. 196; 6, с. 747]). Справедливости ради следует сказать, что исторический комментарий значительной части интересующих нас паремий, которые были освоены русским литературным языком, можно обнаружить в современных теоретических исследованиях по фразеологии, в эпиграфических изданиях и в библейских справочниках (см., например, [7, с. 33–166, 353–358; 8, с. 98–225; 9; 10] и пр.). Между тем только в Супрасльской рукописи встречается более 100 УСК предикативного типа [11], а в Остромировом евангелии их обнаружено более 150 [12], и многие из них до второго десятилетия текущего столетия еще не были исследованы как элементы старославянской фразеологической системы. Потому авторский коллектив «Большого фразеологического словаря старославянского языка» обратил особое внимание на паремии. 60 из них, в том числе такие, как Балии / врачу, исцѣли с# самъ, Блажень м@жь, иже не идетъ на свѣтъ нечѣстивыхъ, Врази чловѣкоу домашнии ~го [13, с. 126–128, с. 234–235, с. 460–461]; Вьньзи ножь (свои) въ ножьниц@, Впра без дѣль мрътва ~сть, Впрънь(и) въ малѣ и въ мнози впрънь ~сть, Гр#ди и виждь [14, с. 213–214, с. 291–293, с. 432–433]. В статье сделан краткий обзор фонда паремий, отраженных в старославянских памятниках.

Значительное место среди паремий общеславянского литературного языка Средневековья занимают изречения Иисуса Христа. Хотя большинство из тех, кто находился рядом с Мессией и слушал его удивительные речи, считали Христа простым земным человеком, сыном плотника Иосифа, сам он прекрасно осознавал, кто он, каково его предназначение и что его ждет. В целом ряде паремий-самохарактеристик, попавших в старославянские тексты X–XI вв., он сумел это передать: Азь отъ сего мира нѣсмь, Аз и отць ~дино ~свѣ, Азь въ отци и отць въ мѣнѣ, Азь ~смь въскрѣшени~ и животь, Азь ~смь двѣрь (къ овьцамъ), Азь ~смь лоза (истиньна"І, и отць мои дѣлатель / виноградарь ~сть), Азь ~смь пастырь добрый, Азь ~смь п@ть, истина и животь и др. (см. об этом [15, с. 633–644]).

Наибольший интерес для фразеографа представляют УСК-паремии, «учительно-го» характера, которые Иисус Христос адресует своим ученикам и многочисленным слушателям в качестве жизненных *наставлений, заповедей, сентенций* и даже *девизов*. Не случайно исследователи древнейших евангельских текстов подчеркивают афористичность речей основателя христианства.

Афоризмы Христа не только «воодушевляют людей «подставлять левую щеку» или «входить узкими вратами» и представлять Бога «как “сеятеля”, “царя”, “отца” или “пастыря”» [16, с. 218]. Иисус был «учителем мудрости, который постоянно использовал классические формы мудрой речи (притчи и запоминающиеся короткие изречения,

известные как афоризмы)» [17, с. 30]. Как проповедник он сумел через лаконичные, предельно четко структурированные и доступные пониманию каждого человека фразы передать глубину, гуманность и привлекательность новой веры, в основе которой лежат равенство всех людей, любовь и милосердие. При этом Иисус Христос неоднократно напоминал: *«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, исполнить»* (Мф 5: 17). Е. М. Верещагин, анализируя приемы, с помощью которых Мессия, создавая Новый Завет с его новыми заповедями, выходит за пределы ветхозаветной этики, пишет: «Он сначала формулирует “законное” предписание», а затем «настойчиво» использует одну и ту же «контрарную формулу <...> “А Я говорю вам”, и всякий раз употреблена частица *δέ*, создается впечатление, что ветхий закон противоположен новозаветному, но на деле перед нами всё-таки не замена одного тезиса на совсем другой, противоположный, а расширение его объема. Думается, что перед нами феномен, описываемый как перевод слабой (или обиходной) этики в этику сильную» [18, с. 258–259]. В совокупности именно изречения-паремии Христа составляют нравственный кодекс христиан.

Включая в «Большой фразеологический словарь старославянского языка» (БФСЯ) обнаруженные в памятниках X–XI вв. такие разновидности паремий, как *заповеди*, авторы непременно учитывали изменения, которые происходили с этими оборотами в речах Иисуса Христа. В средневековом обществе одним из самых популярных развлечений невежественной толпы было присутствие на публичных пытках и казнях, и, в противовес этому жестокому обычаю, Иисус Христос, выступая перед народом, трансформирует ветхозаветную заповедь из Декалога, связанную с любовью к ближнему, расширяя границы этой любви. Из его уст *призыв* к гуманности, милосердию и человеколюбию как основной нравственный закон для всех верующих начинает звучать по-новому: *«Если в Ветхом Завете говорится: “Люби ближнего твоего”, то Иисус сформулировал новый принцип взаимоотношений: “Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный”»* (Мф 5:43–48) [14, с. 135–136].

В БФСЯ отмечено, что Иисус Христос внес корректировку и в требование из Десятисловия *Не приобг сътвори* (‘Не прелюбодействуй!’ Седьмая ветхозаветная заповедь, осуждающая половую распущенность). Как и прочие заповеди Декалога, Иисус Христос считал 7-е его требование обязательным для всех своих последователей и при этом оказал серьезное влияние на представление о прелюбодеянии вообще. Ветхий Завет осуждал прежде всего женщин, ведущих распутный образ жизни, но допускал при этом многобрачие для мужчин. Во всяком случае многие из героев Ветхого Завета, в том числе Авраам и Давид, были полигамны, а прославившийся своей мудростью Соломон, помимо 700 жён имел еще 300 наложниц. Иисус Христос своими проповедями о святости союза мужчины и женщины, создающих семью для рождения и воспитания детей, способствовал узаконению единобрачия, а христианский обряд венчания закрепил статус такой семьи, в которой нарушение верности не только со стороны женщины, но и со стороны мужчины стало оцениваться как прелюбодеяние.

В БФСЯ включены и ставшие крылатыми паремии-наставления (духовные и житейские), которые прозвучали в проповедях Христа. Большая их часть восходит к Нагорной проповеди Сына Божьего: *Аме десна"l тво"l p@ка съблажн!"~тъ т#? оучти \ (и отъвръзи отъ себе)* (‘Необходимо соблюдать большую осторожность и не поддаваться соблазнам и страстям, когда речь идёт о грехе прелюбодеяния’) [13, 121–122]; Не

пометаите бисера вашего свни"лмъ / прѣдъ свини"лми и его синоним Не дадите св#тааго (св#мени"л) пьсомъ **б** ('Не следует делиться высокими мыслями и чувствами с теми, кто ими пренебрегает; не нужно тратить слов, усилий, своих средств на тех, кто не способен или категорически не хочет Вас понять и оценить'); Не с@дите, да не с@d#тъ вамъ• и не ос@ждаите, да не ос@d#тъ васъ / да не ос@ждени б@дете ('Не злословь(те) по поводу кого-л., поскольку и тебя (вас) могут осудить'. *Запрет на осуждение и хулу*) и пр. Нагорная проповедь содержит множество подобных изречений. По словам А. П. Лопухина, они передают «очевидные истины», но их нужно было растолковывать неискушенным язычникам. В стихах Евангелия от Матфея «осуждается слишком большая суровость; в 6-м стихе – слишком большая слабость», которую ученики Христа могут проявлять по отношению к неискушенным слушателям. А апостолы должны избегать крайностей в своей проповеднической деятельности. Иисус Христос предостерегает их и от чрезмерной суровости, и от излишней слабости. «Ученики не должны стремиться быть судьями других, но они не должны безрассудно выставлять перед людьми и свое высокое призвание. Потому что священное и ценное дано им не только для обладания, но и с той целью, чтобы они сообщали его другим людям» [19, Лопухин, НЗ, т. 1, 2007, с. 187–188].

Некоторые евангельские афоризмы, описываемые в БФССЯ, представляют собой фрагменты реплик, произнесенных Христом при определенных обстоятельствах. Так, афоризм Доухъ ~сть бѣдръ, а плоть немощна, акцентирующий внимание на противоречии между силой духа человека и его физической слабостью, которая является причиной негативных поступков, восходит к 26-й главе Евангелия от Матфея, где описываются события, предшествовавшие аресту и распятию Мессии. Иисус испытывал тяжелое чувство тоски. Он знал, что проводит последние часы в кругу близких ему людей, и, будучи богочеловеком, нуждался не только в поддержке Бога Отца, но и в обыкновенном человеческом сочувствии. Трижды, прерывая свои молитвенные обращения к небесному отцу, подходил Христос к ученикам. Но они, утомленные тревожными предчувствиями, заснули, хотя он и просил их: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение, ибо дух бодр, плоть же немощна» (Мф 26: 41). Как пишет автор «Толковой Библии», «Простейшее, совершенно немногословное и чуждое всякого упрека объяснение состояния учеников. Они уснули, но им нужно было бодрствовать и молиться. Им предстояли искушения. Бодрствование заставило бы их быть на страже, а молитва сделалась бы для них оружием для отражения искушений. Наставление всем людям, которым угрожает искушение. Дух сам по себе всегда бывает бодр, но он уступает немощи плоти. Не дух, а плоть бывает причиной искушения человека» [19, с. 547]. Паремия-наставление Въздадите кесарева кесарю и божи~ богу ('Пусть каждому воздается, платится по заслугам, по его положению в обществе') прозвучала как ответ Иисуса Христа на вопрос, придуманный фарисеями для того, чтобы «уловить» Мессию в слове, поставить его в затруднительное положение. Они послали к Иисусу «учеников своих с иродианами, говоря: “Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак, скажи, как Тебе кажется? Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?”» (Мф 22: 16–17). Если бы Иисус ответил положительно, то это вызвало бы гнев народа, считавшего для себя унизительным платить дань римскому императору. Если бы он ответил «Нет», его могли бы признать бунтовщиком. Но Иисус попросил принести ему монету, какой иудеи уплачивали налог кесарю. Ему принесли динарий, и он спросил: «Чье это изображение и надпись?». Ему ответили: «Кесаревы». Тогда Иисус сказал: «Отдавайте кесарю кесарево, а божие – Богу» (Мф 22: 20–21). «Смысл ответа, пишет А. П. Лопухин, – служение кесарю не препятствует служению Господу Богу» [14, с. 75–76; 19, с. 440–441].

В старославянских памятниках нередки случаи использования *пословиц* или *крылатых выражений*, имевших хождение у средиземноморских и восточных народов

в период создания священных текстов, которые позже были переведены на язык славян солунскими братьями и их учениками. Любопытна в этом отношении судьба пословичного выражения *Не мѣсто освѣтитъ чловѣка, а чловѣкъ мѣсто* ('Человек оценивается не по тому положению, которое он занимает в обществе, и не по тем собраниям, которые он посещает, а по его собственным качествам'). В Изборнике 1073 г. эта пословица приписывается апостолам Павлу и Петру. Но, как пишет автор книги «Литературные источники и прототипы трёхсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ» И. Е. Тимошенко, русская пословица *Не место красит человека, а человек место* имеет греческие корни. Похожие обороты можно обнаружить в комедиях Филемона, жившего в IV–III вв. до н. э. Однако Тимошенко считает, что оборот сформировался в I в. н. э.: «Гораздо ближе къ нашей пословицѣ изрѣченіе, приписываемое Плутархомъ юноше – Агезилаю: когда распорядитель хора во время *гимнопедій*, расставляя мальчиковъ, отвѣл Агезилаю одно из второстепенныхъ мѣстъ, послѣдній, хотя и былъ наслѣдникомъ спартанскаго престола, безпрекословно повиновался, но сказалъ при этомъ: “Хорошо; я докажу, что *не мѣсто дѣлаетъ честь чловѣку, а чловѣкъ мѣсту*” <...> На латинскомъ языкѣ ту же сентенцію – *Nono ornat lokus, non hominet lokus* мы встречаем у грамматика IV вѣка, Харизія, который приводитъ её как примѣръ “антиметаболы”» [20, с. 82–83]. Используют подобные выражения и христианские авторы – Иоанн Дамаскин, Иоанн Златоуст, а потому появление данного оборота в Изборнике Святослава 1073 г., содержащего отрывки из сборника «Апостолия», не кажется чем-то необычным.

Как и УСК непредикативного типа, каждая словарная статья, посвященная паремии, строится в «Большом фразеологическом словаре старославянского языка» в строгом соответствии с принятыми правилами. Она состоит из нескольких зон: инициальной, грамматической, семантической, историко-этимологической, синонимо-антонимической, иллюстративной и фразеографической, где в хронологическом порядке отражена история фиксации паремии в отечественных словарях и справочниках. Опыт работы над БФССЯ убедил нас в том, что включение паремий в качестве сверхсловных языковых единиц во фразеологические словари обогащает базу для дальнейших историко-лингвистических исследований в области славистики и создает дополнительные условия для воссоздания объективной языковой картины мира средневековых славян.

Список использованных источников

1. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с.
2. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 535 с.
3. Койранова, Е. А. Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике / Е. А. Койранова // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2011. – С. 257–259.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, В. Вечерки, Э. Благовой. – М. : Рус. язык, 1994. – 848 с.
5. Старобългарски речник : в 2 т. / Българска академия на науките ; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. 1. – София : Изд-во «Валентин Траянов», 1999. – 1120 с.
6. Старобългарски речник : в 2 т. / Българска академия на науките ; отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. 2. – София : Изд-во «Валентин Траянов», 2009. – 1326 с.
7. Григорьев, А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры / А. В. Григорьев. – М. : «Индрик», 2006. – 360 с.
8. Шулежкова, С. Г. От земли обетованной к небесам обетованным: очерки о судьбах библейских крылатых выражений / С. Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 260 с.
9. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.

10. Мокиенко, В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : Астрель. – 639 с.
11. Супрасльская рукопись: трудъ Сергѣя Северьянова // Памятники старославянского языка. – Т. II. Вып. 1. – СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1904. – 570 с.
12. Остромирово евангелие 1056–1057 г. Иждивениемъ Потомственнаго Почетнаго Гражданина Ильи Кирилловича Савинкова. – 2-е (фототипическое) изд-е. – СПб. : Фото-Литография А. Ф. Маркова, 1889. – 294 с.
13. Большой фразеологический словарь старославянского языка / Науч.-исслед. словарная лаб. МГТУ им. Г. И. Носова; С. Г. Шулежкова, С. А. Анохина, А. А. Осипова, А. Н. Михин, В. Ф. Хайдарова ; гл. ред. С. Г. Шулежкова. – Т. 1. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 552 с.
14. Большой фразеологический словарь старославянского языка / Науч.-исслед. словарная лаб. МГТУ им. Г.И. Носова; С. Г. Шулежкова, В. Ф. Хайдарова, А. Н. Михин ; гл. ред. С. Г. Шулежкова. – Т. 2. – М. : ФЛИНТА, 2022. – 560 с.
15. Шулежкова, С. Фразы-самохарактеристики Иисуса Христа и его девизы в древнейших славянских текстах / С. Шулежкова // *Język i pamięć. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebdzie z okazji 70. urodzin ; pod red. W. Mokijenki i J. Tarsy.* – Opole : Uniwersytet Opolski, 2020. – S. 633–644.
16. Вежбицкая, А. Значение Иисусовых притч: семантический подход к Евангелиям / А. Вежбицкая // Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 218–272.
17. Borg, M. I. *Meeling Jesus again for the first time: The Historical Jesus and the Heart of Contemporary Faith* / M. I. Borg. – San Francisco : Harper Collins, 1994. – 150 p.
18. Верещагин, Е. М. Кирилло-мефодиевское книжное наследие. межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. С двумя приложениями / Е. М. Верещагин. – М. : «Индрик», 2012. – 520 с.
19. Лопухин, А. П. Новый Завет / А. П. Лопухин // *Толковая Библия, или комментарии на все книги Священного Писания : в 7 т.* – Т. 1. – М. : Даръ, 2007. – 1224 с.
20. Тимошенко, И. Е. Литературные источники и прототипы трёхсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ / И. Е. Тимошенко. – Киевъ : Типография Петра Барскаго, 1897. – 172 с.

Abstract. The author, sharing a “broad view” on the object of phraseology, defines the problem of phraseological description of paroemiae of the common literary language of the Medieval Slavs. Besides grammatical, semantic, linguocultural and illustrative zones, the author suggests to accompany paroemia articles with the genre description and history note.

Keywords: Old Church Slavonic language, set phraseological unit, paroemia.

УДК 811.161.1'373.7.821.161.1

О. Г. Яблонская, В. В. Новик

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию фразеологических единиц в коммуникативно-прагматическом аспекте. На примере повести Ж. К. Жерома “Three men in a boat (To Say Nothing of the Dog)” / Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» выявляется семантическая ценность фразеологизмов в художественном тексте, а также способы сохранения прагматического потенциала при переводе. Отмечено, что при переводе прагматические установки фразеологизмов сохраняются за счет фразеологических или лексических средств. Употребление фразеологизмов повышает степень экспрессивности повествования.

Ключевые слова: фразеологические единицы, коммуникативно-прагматическая функция, прагматический потенциал, экспрессивность, контекст.